

Слово к читателю

Я думаю, мою устную речь следовало бы потом отредактировать. Я говорю с ошибками и без знаков препинания — так, в сущности, пишет Джойс.

Мне кажется, не следует себя обманывать и думать, что Джойс найдет себе массового читателя. Он не найдет себе такого массового читателя. Но тем не менее наличие главного его произведения на языке, на котором все читают в нашей стране, обязательно нужно. Обязательно нужно, потому что Джойс — это явление культуры, уникальное, как сейчас говорят, единичное, неповторяемое; «Улисса» нельзя повторить в истории культуры. Джойс не может иметь своей школы, но он оказывает колоссальное влияние на литературу и культуру всего мира. На многих языках Джойс имеется, он должен быть и по-русски.

Почему «Улисс» не может быть прочитан массовым читателем? Потому что не может быть и массового читателя, который бы мог подслушать наши мысли. Ведь мы все мыслим так, как пишет Джойс, мы мыслим без знаков препинания, иногда неупорядоченно — «поток сознания», хотя мне это выражение не совсем нравится. Лучшее и адекватное выражение наши мысли находят в прозе Джойса. Но при этом очень важно помнить, что это мысли, поток мыслей, поток сознания, свойственный высокоинтеллектуальному человеку. Не следует думать, что каждый из нас способен мыслить как Джойс. Речь идет только о способе мысли, о способе нагромождения ассоциаций, о способе роста этих ассоциаций, их сцеплений. Проза Джойса существует независимо от сюжета — сюжет в традиционном понимании здесь отсутствует, — но его проза никак от этого не страдает и уж тем более не упрощается. Наоборот, проза его потому и сложна, что это мысли, строй мыслей гениального человека. В чем его гениальность? Наверное, в умении услышать мысли человека, а в этом нуждается каждый, — во введении собственных мыслей в какой-то такой поток, какой уподобляется потоку мыслей самого Джойса.

Достаточно ли хорошо сделан перевод? Перевод Джойса не может быть переводом буквалистским. Вообще я против буквалистских переводов. Переводы Пастернаком Шекспира — это не буквалистские переводы. Совершенно ясно, что это переводы конгениальные. Создать конгениальный перевод Джойса, может быть, не менее трудно, чем перевод Шекспира, потому что самый характер его прозы очень сложный и он теснейшим образом связан с английским языком. Значит, нужно обрести адекватное мышление на русском языке, которое бы одновременно подходило к тому, что говорит Джойс, и вместе с тем было бы возможно на русском языке. Здесь в свои права вступают отличия языковых стихий. Ведь то, что возможно по-английски, невозможно по-русски — и наоборот. А у Джойса это языковая стихия. И это очень важно. Ведь вода может идти по водопроводу, она может течь в реке, она может волноваться в море. Это все разная вода. Поток воды, движущийся у Джойса, очень широк и неуправляем. Он подчиняется законам своего языка. Ведь вода больше всего вода в море, но она меньше всего вода в водопроводе. И проза Джойса — это высокоинтеллектуальная «вода в море», которая сама собой является. Язык — это, конечно, не только грамматические формы, с которыми Джойс обращается очень вольно, и это не знаки препинания. Знаки препинания отсутствуют в нашем сознании, когда мы говорим или когда мы мыслим. Но тем не менее это крепкая морская вода.

Джойс не замкнут в традициях, даже в традициях своего языка. И это делает его очень интернациональным, как это ни странно. С одной стороны, это проза английская, именно английская. А с другой — это способ мышления, который характерен для человеческого сознания вообще. И независимо от того, много или мало читателей найдет себе Джойс в нашей стране, он должен быть в закромах нашей культуры. Обязательно должен быть. К нему должны обращаться те, кто пишет, и те, кто думает, то есть читатель может быть очень избранный, даже немногочисленный, но чрезвычайно значительный, чрезвычайно важный для нашей культуры.

Появление перевода «Улисса» Джойса на русском языке — безусловно, культурное событие. Конечно, это не событие уличного порядка, которое приковывает к себе всеобщее внимание. Но это событие культуры. Ведь и культура по существу не массовое явление, хотя и уходит своими корнями в глубину масс.

Подготовлена или не подготовлена русская литература к восприятию Джойса? Так, может быть, не следует ставить вопрос. Но у нас есть свои Джойсы. И если задуматься над тем, кто собственно у нас является аналогом Джойса, то по частям мы можем найти ответ. В «Обломове» Гончарова, особенно на первых страницах. Мы можем найти это у Алексея Ремизова, отчасти у Лескова, в его прозе, у Андрея Белого. Проза Андрея Белого с его «симфониями», хотя это очень непохоже на «Улисса», тем не менее по своему характеру — такое же культурное явление, не рассчитанное на массового читателя, но очень важное, без которого культура не может обходиться.

И вот сейчас издается «Улисс» — издается не на месячное чтение, не на годичное, издается на сотню лет. Второй перевод будет очень трудно сделать. Но то, что

сделано, является подвигом переводчика. Не только потому, что переводчик не мог рассчитывать на быстрое и легкое издание «Улисса», но потому, что перевод «Улисса» невозможно сделать, не будучи влюбленным в стихию английской прозы, именно в ее стихию. Потому что проза «Улисса» такая же стихия, как морская стихия, как стихия волн, обладающая определенными закономерностями движения, в какой-то мере предсказуемыми, а в какой-то степени непредсказуемыми. Стихия прозы «Улисса»... она всегда неожиданна. И интерес к «Улиссу» строится не на интересе сюжета или интриги, а на интересе, который имеет мысль сама по себе, мысль прозаическая. Она может вызывать сочувствие, сочувственное внимание, может вызывать отталкивание. Но все это происходит в очень высоких сферах сознания и сверхсознания, не только сознания отдельного человека, но сознания литературы, которое, безусловно, с моей точки зрения, существует. А это сознание очень высокого порядка.

Постараемся отнестись к прозе Джойса без предубеждения. Отвергнем все наши привычки в чтении. Будем внимательны. В конце концов культура человека определяется не столько тем, что он сам говорит, сколько его умением слушать, умением понимать.

Все остальное читатель найдет в примечаниях к роману.

21 июня 1988 года
Комарово

Запись Е. ГЕННЕВОЙ

I

1

Садовитый, жирный Бык Маллиган возник из лестничного проема, неся в руках чашку с пеной, на которой накрест лежали зеркальце и бритва. Мягкий утренний ветерок слегка вздымал полы его желтого распоясанного халата. Он поднял чашку перед собою и возгласил:

— Introibo ad altare Dei¹.

Остановясь, он взгляделся вниз, в сумрак винтовой лестницы, и грубо крикнул:

— Выходи, Клинк! Выходи, иезуит несчастный!

Торжественно он проследовал вперед и взошел на круглую орудийную площадку. Оберну-

вшись по сторонам, он с важностью окрестный берег и пробуждающиеся горы. Потом, увидев Стивена Дедала, наклонился к нему и начал быстро крестить воздух, издавая булькающие звуки и покачивая головой. Стивен Дедал, недовольный и заспанный, облокотясь на последнюю ступеньку, холодно смотрел на длинное, лошадиное лицо, благословлявшее его с бульканьем и покачиваньем, и бестонзурную шевелюру, белесую, словно окрашенную под светлый дуб.

Бык Маллиган заглянул под зеркальце и тут же опять прикрыл чашку.

— По казармам! — скомандовал он сурово.

И пастырским голосом продолжал:

— Ибо сие, о возлюбленные мои, есть истинная христина, тело и кровь, душу из меня вон. Музыку медленней, пожалуйста. Господа, закройте глаза. Минуту. Маленькая заминка, знаете, с белыми шариками. Всем помолчать.

Он устремил взгляд искоса вверх, издал долгий, протяжный призывный свист и замер, напряженно прислушиваясь. Белые ровные зубы кой-где поблескивали золотыми крупинками. Златоуст. Резкий ответный свист дважды прозвучал в тишине.

¹ И подойду к жертвеннику Божию (лат.). (Здесь и далее прим. перев.)